

Искусствоведение

Л.Ю. Лиманская

Mappe mundi как модель Peregrinatio vitae

Статья посвящена роли монастырской картографии в религиозной дидактике Средневековья. Автор анализирует принципы соотношения текста и изображения в христианской картографии, рассматривает ее связь с библейскими представлениями о географии, топографии и темпоральности. В статье прослеживаются методы использования образов Mappe mundi как мнемонических матриц в целях религиозного просвещения на примере педагогических сочинений Гуго Сен-Викторского «Описание карты мира», «О священном Ковчеге Ноя» и «О Ковчеге морали Ноя».

Ключевые слова: текст, изображение, картографические образы, Т-О схема Mappe mundi.

Библейский текст и картографические образы в рамках христианского Средневековья соотносились между собой по принципу онтологического родства. Библия мыслилась как «зеркало мира», а «все творения мира суть для нас как бы книга, картина и зеркало» (PL 21, 579a), писал А. Лильский. Библия и картина мира мыслились как результат творческого акта Бога, который может быть отражен в тексте Писания и в картине – *picturae et scripturae*.

Таким образом, единство текста и изображения в христианской картографии являлось основой понимания географии, топографии, топонимики, этнографии и т. д.

Примером визуально-верbalного представления карты мира в целях дидактического просвещения является «*Descriptio mappe mundi*» («Описание карты мира», ок. 1130), трактат «*De arca Noe mystica*» («О священном Ковчеге Ноя», 1124–1130), «*De arca Noe morali*» («О Ковчеге морали Ноя», 1124–1130) Гуго Сен-Викторского.

На примере сочинений Гуго становится понятно, что христианская география рассматривалась как дидактическая дисциплина и поэтому являлась элементом рассуждений о правилах и нормах подвижнической жизни, адресованных новоначальным монахам. «*Descriptio mappe mundi*», «*De arca Noe mystica*» и «*De arca Noe morali*» были логически взаимосвязаны и предназначались для педагогических бесед, которые вел Гуго Сен-Викторский с братией монастыря, размышляя о стяжании добродетелей, о делании и созерцании.

Аналогии между устройством Ноева ковчега, рая, Церкви, Христа, человеческого тела и души, видами добродетелей строились на вербально-визуальных презентациях. Модель Ковчега, детально описанного Гуго в его сочинениях, как полагают современные исследователи, была создана между 1125–1130 гг. в монастыре Гогенбурга. Конструкция имела высоту 3,632 м (11 футов, 11 дюймов) и ширину 4,623 м (15 футов, 2 дюйма)¹. Модель Ковчега, как предполагают исследователи, была изображена Гуго Сен-Викторским на стене клуатра аббатства Сен-Виктор и использовалась в учебных целях во время бесед с монахами. Структура Ковчега вписана в четыре стихии, Земля представлена в виде карты мира, описание которой, как полагает П.Г. Дальш, Гуго заимствовал из анонимного восточно-христианского географического трактата V–VI вв., который был гордостью Сен-Викторского монастыря и, очевидно, принадлежал П. Абеляру². И карта, и трактат были утрачены. Созданное Гуго Сен-Викторским «*Descriptio mappe mundi*» также утрачено. В 1988 году П. Дальш на основе изучения поздних реплик этого влиятельного в свое время сочинения, обнаруженных в анонимных манускриптах из муниципальной библиотеки в Дижоне 561(322), fol. 162–170 и из монастырской библиотеки в Эскориале F. I, 12, fol. 765–773, утраченное сочинение реконструировал.

Модель Ковчега на основе изучения ее описания в «*De arca Noe mystica*» и «*De arca Noe morali*» также была реконструирована в 2014 г. К. Рудольфом³.

Очевидно, что использованный Гуго метод вербально-визуальных картографических аналогий имел давнюю традицию, восходящую к Геродоту и Аристотелю и имевшую широкое распространение в средневековой картографии. Например, небольшая *mappe mundi* из Мюнхенского списка «Этимологий» Исидора Севильского⁴ (1130–1135, Баварская государственная библиотека, Мюнхен, fol. 154v), очевидно, является уменьшенной репликой карты, описанной Гуго.

Техника изображения и описания также имеет давнюю историю. В карте мира из «*Chronologia Magna*» Паолино Венето,

(Авиньон, ок. 1323) (ил. 5) основывается на том, что карты, сопровождающие его трактат, обязательно имеют двойную форму репрезентации *picture et scripture*, аналогичные мысли высказывает и Марино Санудо Старший относительно карт (ок. 1321), созданных П. Висконте для его «*Liber secretorum*». Онтологическая связь *picture et scripture* прослеживается и в Эбсторфской (ок. 1235) и Херефордской картах мира (конец XIII – начало XIV в.).

Временна́я модель *Mappe mundi*

Временная модель христианской картографии определялась богословскими комментариями к Евангелию от Иоанна: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Цикличность наложения сакрального времени на профанное объяснилась через тексты Апокалипсиса: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний» (Откр. 22, 13). В Т-О схему вписывалась фигура Христа и при помощи географических элементов, буквенных символов и схолий, обозначалось божественное присутствие в каждом фрагменте мироздания: «В Его руке глубины земли, вершины гор – Его же. Его – море, и Он создал его, и сушу образовали руки Его» (Пс. 94), или: «Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней; Ибо Он основал ее на морях и на реках утвердил ее» (Пс. 23).

Симультанность картографического пространства рассматривалась как подобие Божественного зеркала, в котором все видно сразу и одновременно. «Небу и земле, которые Бог сотворил вначале, Он же кладет конец путем их сотворения заново; на место Адама и Евы, которые согрешили и пали, приходят Агнец и его искупленная Невеста; потерянный Рай возвращается вновь в аналогичном виде, включая такие “эдемические” черты, как “река воды жизни” и “дерево жизни”; а люди, в конце концов, вновь обретут первоначальную невинность и сопутствовавшее ей блаженство, ибо “ничего уже не будет проклятого”, а потому “и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет”. Некоторые отцы церкви уподобляли библейскую модель “Рая-который-предстоит-обрести-вновь” неоплатонической парадигме эманации (истечение из Абсолютного Единого – разрыв с ним – возвращение к нему); на этой почве родилась живучая идея, что разворачивающийся во времени процесс – как в истории человечества, так и в жизни всякого индивида – есть движение по кругу от блаженной слияности с Целым через отделение от Целого, грех, изгнание и

страдания назад к изначальному блаженству. Этот круговой маршрут часто воображали себе в духе библейской (и плотиновской) метафоры *peregrinatio vitae* (жизненное странствие); эту же идею усматривали и в евангельской притче о блудном сыне, который покидает свой дом, отправляется “в дальнюю сторону”, расточает там “имение свое, живя распутно” и, раскаявшись, возвращается домой на радость отца. Историческое время трактовалось возвращением в исходную точку. Джон Мильтон, который трактовал жизненный путь как духовное строительство, полагал, что грехопадение открыло путь к самосозиданию, результатом которого должен стать вновь обретенный Рай. В то время как Рай изначальный был всего лишь “унаследован”⁵.

Модель *peregrinatio vitae* нашла свое отражение в антропоморфной структуре Т-О схемы, которая получила широкое распространение в христианской картографии. В Эбсторфской карте и Херефордской картах мира маршрут духовного странствия определялся библейской топографией с Востока на Запад. В восточной части карты располагался образ Спаса Нерукотворного с буквенными символами α и Ω и надписями «Первое и Последнее», что отсыпало к тексту Откровения: «Иоанн ... был на острове, называемом Патмос, за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа. ...и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: “Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь, напиши в книгу”» (Откр. 1,9–11).

Расположенные в западной части карты ноги Христа поддерживали земной круг. Правая рука Христа указывает на север, помечена стигматами и цитатой из Псалма 118, 16: «Правая рука Господа делает добро», возле левой руки, указывающей на юг, надпись: «Он держит землю в своих руках» – очевидно, отсылка к Исаии: «Кто исчерпал воды горстью своею и пядью измерил небеса, и вместилил в меру прах земли, и взвесил на весах горы и на чашах весовых холмы?» (Ис. 40, 12).

Восточно-Западная ориентация карт определяла внутреннюю логику жизненного пути каждого, указывала на ход мировой истории. Элементы Т-О схемы воплощали идею цикличного движения любого исторического и географического маршрута, так как их цель – поиск утраченного начального времени.

Особое внимание в структуре Т-О карт уделялось образу Иерусалима как центра Земли, места свершения важнейших событий библейской истории. Изображение Иерусалима основывалось на богословских комментариях к «Откровению Иоанна Богослова», в котором Иерусалим назывался священным городом, сошедшим от

Бога с Небес: «И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: "...се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и сам Бог с ними будет Богом их» (Откр. 21,2–3). Важную роль в размещении Иерусалима в центре Т-О схем также играло пророчество Иезекииля (Иез. 5,5): «Так говорит Господь Бог: это – Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него – земли». Так, руководствуясь текстом «Откровения» на Эbstорфской (1235) карте, Иерусалим представлен как город, который «расположен четырехугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны» (Откр. 21:16). Панорамный ландшафт, в который вписан четырехугольный план Иерусалима, отражал взгляд на город с высоты «великой и высокой горы» (Откр. 21:10). Город изображен сверху, окруженный монументальной стеной, которая «имеет двенадцать ворот: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот» (Откр. 21:12–13). Выделенная желтым цветом городская стена указывает на текст «Откровения», в котором повествуется о камнях и материалах, использованных для возведения города: «Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу» (Откр. 21:18). В центре Иерусалима восседающий на престоле Бог, ибо как сказано в « Откровении»: «Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец» (Откр. 21:22). Панорамный ландшафт Иерусалима на Эbstорфской карте являлся символом вращения мировой истории, ведь события, происходившие в Иерусалиме, олицетворяли цикличность земной жизни Христа, раскрывали символическую связь между земным Раем, Святой Землей и Небесным Иерусалимом. Изображенный около Иерусалима верблюд, символ христианской добродетели, подчеркивал особый статус города: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24).

Гуго Сен-Викторский – карта как мнемоническая матрица ментальных странствий

Гуго Сен-Викторский разработал свою методику преподавания, в которой лежала тренировка памяти и воображения. «Мистическая теология Гуго основывается на том, что даже, несмотря на первородный грех, человек сохраняет память о Боге, и эта память есть источник его спасения, его возвращения к Богу. На пути же

этого спасительного для человека припомнания духовная жизнь включает в себя теоретическую и практическую составляющую, т. е. предполагает знание и добродетель. Целью же такого припомнания является достижение опыта, непосредственного мистического единения с Богом и обретение божественного созерцания. И хотя теоретические и практические пласти неотъемлемы друг от друга на пути к этой цели, но они имеют свои особенности. Так, теоретико-спекулятивный уровень духовной жизни состоит из трех ступеней: первая – символическое знание, вторая – рассудочное знание, третья – мистическое знание⁶. В «Дидаскалионе» обучение чтению рассматривалось Гуго как процесс, обращенный к тройкой структуре души: «В одушевленных телах можно обнаружить тройную силу души. Одной силой обеспечивается только жизнь – так, чтобы зародившееся тело росло, а выросши, существовало. Другая – наделяет способностью чувствовать, а третья – является силой ума и рассудка»⁷. Образовательные уровни Гуго разделял на начальный – *primo eruditio* и продвинутый – *secundus eruditio*. Этим уровням соответствовал метод преподавания, основанный на трехуровневом экзегетическом толковании Писания: литературном или историческом, аллегорическом и тропологическом (анalogическом). Каждый уровень был ориентирован на определенный уровень подготовки аудитории. В соответствии с этой методологией его преподавание велось на основе последовательного толкования Писания в трактатах «О Священном Ковчеге Ноя» и «О Ковчеге морали».

Читая лекции, посвященные темам «О священном Ковчеге Ноя» и «О Ковчеге морали», Гуго использовал пропедевтический смысл структуры Ковчега и соотносил его с «Описанием карты мира». Ученикам предлагалось восходить по трем ступеням душевной организации при помощи мнемотехнических упражнений. Для этого предлагалось мысленно вычерчивать, раскрашивать и затем аллегорически толковать структурные элементы Ковчега и карты мира. Запомнив символику геометрических фигур и картографических символов, ученики мысленно заполняли эти фигуры рисунками, фигурами, колористическими, буквенными символами, затем расшифровывали их богословское содержание. В основу упражнений по мнемотехнике был взят процесс конструирования Ковчега Ноя, который в системе средневековых представлений ассоциировался с земной церковью и олицетворял земной путь к духовному преображению. План Гуго основывался на идее соответствия космографии божественному плану, по которому строились ковчег, скиния и храм.

Соотнося элементы Т-О схемы со структурой ковчега, Гуго объяснял символическую природу его устройства, формировал на- выки создания мысленных картин отдельных частей ковчега и способность увязывать их символику с историей и образами Ветхого и Нового заветов. Процесс тренировки памяти при помощи мысленных изображений был направлен на осуществление главной цели аналогического просвещения: направления ума, души и тела ученика по пути Божественного промысла. «Прежде всего, – писал Гуго, – нужно правильно обрисовать религиозный смысл Ноева ковчега в соответствии с планом, который я тут начертил и намереваюсь раскрасить. Я фиксирую центр, из которого затем очерчиваю квадрат размером с локоть, которым Ковчег будет измеряться. Затем я рисую другой квадрат вокруг первого, больший по размеру. Пространство между углами внутреннего и внешнего квадратов должно выглядеть как фриз размером с локоть...»⁸. Процесс конструирования отсылал память ученика к Книге Бытия, в которой говорится о системе «квадратных древ», из которых был построен Ковчег. «Квадратные древа» истолковывались как образец слаженности и согласованности, а квадратные пропорции приписывались идеальному телу (воплощением которого были пропорции Адама). Согласно Книге Бытия, Бог велел, чтобы пропорции Ковчега были идеальными, и длина ковчега была 300 локтей; ширина 50 локтей, а высота 30 локтей (Быт. 6, 14–16).

Вслед за описанием геометрических пропорций, Гуго обратился к крестообразной форме, которую расположил внутри системы квадратов: «...я рисую крест так, чтобы его выступ касался каждой стороны квадрата и покрываю его золотом. Затем я окрашиваю место на поверхности квадрата между четырьмя ангелами, около креста, два сверху – цвета пламени и два снизу – сапфировые. Таким образом, одна часть в пол-локтя, огненно-красная символизирует свечение, вторая, представляющая небеса, сапфировая. После этого, над крестом, по краю я пишу *a*, что есть начало. Напротив, снизу креста, я пишу *w*, что является завершением. В правом углу креста я пишу *c* (*хи*), что является начальной буквой имени Христа, а также символизирует Десять заповедей, которые он завещал, которые олицетворяют справедливость и правоту. В левом углу креста я пишу *c* [для завершения – *z* (*зета*)], которая является завершающей буквой имени Христа и символизирует число 100, завершение благодати, ниспосланной язычникам, которые располагаются слева. Затем со всех сторон по краям я покрываю поля пурпуром и зеленью, внешняя часть – пурпурная, и внутренняя – зеленая, и посередине золотой крест, и рисую стоящего молодого пастыря с агнцем»⁹.

И каждая в отдельности, и во взаимодействии наглядные образы (*imagines rerum*) позволяли «составить представление об очертаниях нашего Ковчега с тем, чтобы каждый желающий мог направить свой внутренний взор на созерцание красоты дома Господня и его чудес, которым нет числа, *чувства, возникающие при этом, способны подвигнуть к подражанию* примеру Всевышнего»¹⁰.

В трактате «О священном Ковчеге морали» Гуго остановился на символике Т-образной формы, которую трактовал как Древо Жизни и Книгу Жизни одновременно. Книгу он расположил на северном полушарии, а Древо на южном. Север символизировал человеческую природу Христа, а юг – божественную. Затем он перевел наглядные образы в длинные дидактические рассуждения о столбе Ковчега.

Подобно Т-схеме, в описаниях Гуго, столб Ковчега расширялся и напоминал два рукава креста, направленные к северу и югу. Два рукава олицетворяли два лика столба Ковчега, которые различались по цвету, север – зеленый, а юг – сапфировый. Весь горизонтальный пояс символизировал земную Церковь и жизнь во времени. Вертикаль столба в верхней части изображала историю от Адама до Воплощения, в нижней – время после Воплощения. В верхней части Гуго предлагал мысленно написать имена от Адама до Христа, в нижней – Апостолов и отцов церкви. К имени каждого апостола он предлагал мысленно дописать «*cum suis iconibus*», что обозначало соответствие места, имени и образа и являлось подобием «сената в Граде Божьем»¹¹.

В конце трактата «О Священном Ковчеге Ноя» Гуго привел описание целостной картины универсума. Используя символику *Imago Mundi Rotunda*, он вписал Ковчег с трехъярусной репрезентацией Вселенной в эллипс. Ковчег традиционно интерпретировался как единство макро- и микрокосма, и включал три зоны – воду, воздух и землю. Земля представлялась Гуго в виде Т-О карты в форме эллипса (*vesica piscis*).

На карте представлены страны, горы, реки, замки и крепости. На востоке – Рай с надписью «Рай – лоно Авраама», на западе – сюжет Страшного суда, с праведниками справа и грешниками слева. На юге – Египет – место освобождения христиан, на севере – Вавилон – место их плена. Ад расположен на севере – в царстве вечного холода. Земной эллипс, по Гуго, окружает сфера воздуха, на которой расположены двенадцать крылатых фигур – персонификации ветров. Четыре основных ветра «Оксиденс» (запад), «Ориенс» (восток), «Септентрио» (север), «Меридиес» (юг) дуют в две трубы, каждому из них сопутствуют два воздушных потока, имеющих по одной трубе. Третья сфера – эфир: там расположены двенадцать

месяцев, обозначенные знаками зодиака, а также персонификации четырех времен года, четырех стихий и четырех элементов. Поясное изображение Пантоократора возвышалось над вселенной, его руки обнимали, а ноги поддерживали мироздание. Слева и справа небесную сферу обрамляли два серафима, над головой Господа был расположен ангельский хор. Шесть маленьких медальонов выстроены в линию между вершиной Земли (местом сотворения света) и центром (местом сотворения Адама) – символы шести дней Творения, указывающие на связь между началом и концом Творения. Шесть дней творения представлены исходящими из уст Бога.

Картографические описания Гуго Сен-Викторского представляли собой синтез верbalного и визуального опыта. Используя доступные его времени картографические изображения, он переводил их в нарративную форму и использовал как «путеводитель души к Богу». Мери Каррусерс во втором издании своей работы «Книга памяти. Исследования памяти в культуре средневековья»¹² утверждает особую роль Гуго Сен-Викторского в развитии искусства памяти в средневековом монашеском образовании. Конрад Рудольф утверждает, что описываемый в текстах Гуго Сен-Викторского визуальный образ Ковчега является словесным сопровождением созданной самим богословом фрески¹³, реконструкцию которой, согласно его описаниям, он создал. Недавние исследования английской и французской картографии XII–XIII вв. показали важную роль картографической пропедевтики Гуго Сен-Викторского в создании и толковании большой группы англо-французских и итальянских карт мира.

Следует подчеркнуть, что в XII в. пересказы средневековой географической литературы представляли значительный интерес, так как география являлась частью пропедевтики. Мнемотехнические упражнения на основе описания карты мира, разработанные Гуго Сен-Викторским, были связаны с практикой умозрительных мeditаций, которая была широко распространена в монашеском обиходе и олицетворяла жизнь в созерцании – *vita contemplativa*. Следует отметить, что соотношение реального и символического в понимании жизненного пути в рамках средневековой топографии строилось на их онтологическом родстве (а не на оппозиции, как это присуще современной трактовке символа). Связано это с тем, что для религиозно-мифологического сознания символ мыслился как причина и предвечный элемент реальности. Символика *mappe mundi* являлась выражением этого онтологического родства и формировалась уровень восприятия и графической презентации картины мироздания смысла жизненного пути, отраженного в образах *Mappe mundi*.

Примечания

- ¹ *Rudolph C.* The Mystic Ark: Hugh of Saint Victor, Art, and Thought in the Twelfth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- ² *Dalche Patrick G.* La “Descriptio mappe mundi” de Hugues de Saint-Victor, texte inédit avec introduction et commentaire. P.: Etudes augustiennes, 1988.
- ³ *Rudolph C.* Op. cit.
- ⁴ Mappamundi, after Isidore of Seville, c. 1130–1135, French School (12th century). Bayerische Staatsbibliothek, Munich, Germany.
- ⁵ *Abrams M.H.* Apocalypse: theme and variations // The Apocalypse in English Renaissance, thought and literature: patterns, antecedents and repercussions / Ed. by C.A. Patrides, J. Wittreich. Manchester: Manchester U.P., 1984. P. 342–368.
- ⁶ *Дорофеев Д.Ю.* Гуго Сен-Викторский // Антология средневековой мысли: В 2 т. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. Т. 1. С. 296.
- ⁷ *Гуго Сен-Викторский.* Диадактион: Семь книг назидательного обучения // Антология средневековой мысли... Т. 1. С. 301.
- ⁸ Цит. по: *Carruthers M.* The Book of Memory. A study of Memory in Medieval Culture. Cambridge, 1990. P. 232.
- ⁹ Op. cit. P. 232.
- ¹⁰ Op. cit. P. 233.
- ¹¹ Op. cit. P. 237, 239.
- ¹² *Carruthers M.* Op. cit.
- ¹³ *Rudolph C.* Op. cit.